

ОБРАЗ МАТЕРИ В ТВОРЧЕСТВЕ ЭДИТ НЕСБИТ**Вера Геннадьевна Крюкова**

аспирант кафедры русской и зарубежной литературы

Южный федеральный университет

344006, Россия, Ростов-на-Дону, ул. Б. Садовая, 105/42

vekriukova@sfned.ru

ORCID: <https://orcid.org/0009-0002-6918-0241>

Статья поступила в редакцию: 20.11.2023

В статье рассматривается образ матери, созданный на страницах детских приключенческих романов и волшебных сказок, прославленной английской писательницей Эдит Несбит. Культурно-исторический контекст конца XIX в. актуализирует вопрос влияния матерей на образование детей в семье, поэтому образ матери приобретает дополнительное значение для детской литературы. Отдельное внимание уделяется ряду биографических фактов, которые, предположительно, нашли свое художественное воплощение в описании семейно-бытовых отношений героев Несбит. При этом неоднозначность позиции Эдит Несбит в вопросе поиска новой гендерной идентичности выражена в двойственности образа матери. Его анализ позволяет говорить о трансформации традиционных сказочных персонажно-образных схем с целью призыва к активной деятельной позиции женщин.

Ключевые слова: образ матери, Несбит, «новая женщина», «ангел дома», детская литература.

Викторианская и эдвардианская литература отмечена особым интересом к становлению личности ребенка, «влиянию на человека среды и семьи» [Бячкова 2015: 22]. При этом в вопросе образования как основе формирования нравственно-ценностной системы ключевую роль играло чтение. Высокое значение книг для гармоничного взросления в большей степени относилось к обучению девочек, часто лишенных возможности посещать школу. В книге Кристианы Марии Биндер «От невинности к опыту» на фоне описания этапов формирования образа детства в автобиографических источниках XIX века подчеркивается: «Чтение книг становилось частью неофициального и неформального доступа девочек к образованию и культуре, к миру и социальным реалиям»¹ [Binder 2014: 307]. Поскольку большинство девочек могли получать образование исключительно внутри семьи, можно утверждать,

что данный аспект воспитания входил в основные материнские обязанности и развитие девочек полностью зависело от усердия родительниц. Неудивительно, что детская литература являлась важным воспитательным инструментом. Через приключенческие романы, сказки и фантастические истории авторы выражали свои взгляды на вопросы социальной справедливости, гендерного устройства и морали.

Симптоматично, что чтение способствовало укреплению материнской связи с ребенком, поскольку чаще всего именно мать занималась развитием читательских навыков и литературного вкуса своих детей. Подобная связь обостряла вопрос о влиянии матери на ребенка, а, следовательно, происходило переосмысление положения женщины в семье. «В силу первостепенной важности института семьи, женщины стали играть центральную роль в викторианской системе правил и ценностей» [Binder 2014: 27]. Однако «значение женщины в семье на поверку было мнимым признанием ее роли» [Dunst 2012: 53], в силу бесправного положения женщины с точки зрения законодательства и устройства патриархатного общества Великобритании середины XIX века.

При этом литература данного периода отмечена созвездием ярких женских характеров. В отечественном литературоведении заметен постоянный исследовательский интерес к женским образам, созданным викторианскими писателями. Если в статьях С. В. Кончаковой и М. И. Крупениной [Кончакова 2011; Крупенина 2016] образ матери включен в общий перечень разнообразных женских ликов, то мы будем анализировать данный образ обособленно от других проявлений «женской» темы в творчестве Эдит Несбит. Обращаясь к интересующему нас образу, мы также сравним его особенности в детских приключенческих романах и волшебных сказках.

Эдит Несбит (1858–1924) стяжала себе славу талантливой детской писательницы во многом благодаря созданию ярких и динамичных образов детей в своих приключенческих романах. Между тем, следует признать определенную статичность изображения взрослых персонажей, одним из которых является мать.

«Мама была невероятно милой. Даже больше, она была красивой и любящей, и особенно заботливой, когда мы болели, и всегда доброй, и почти всегда справедливой» [Nesbit 2008^b: URL], – описывает мать рассказчик приключенческого романа «Феникс и ковер» («The phoenix and the carpet», 1904). Образ любящей понимающей матери, связан в детском восприятии с образом дома, а сама мать вписана в викторианский идеал феминности – «ангела дома», присутствующий в жизни детей или же сохранившийся как воспоминание.

«Их мама не тратила времени впустую, не делала бесплодных визитов разным скучным дамам и не сидела в праздности, ожидая, когда эти дамы нанесут ответный визит. Почти всегда она была дома, готовая и поиграть с детьми, и почитать им книгу, и помочь в приготовлении уроков» [Несбит 2010: 3].

Данное описание открывает повествование романа «Дети железной дороги». Изображение воплощенной любви и заботы отвечает гендерным стереотипам викторианского общества, стремящегося к «почти беспредельной идеализации» женского образа. Нельзя не отметить отсутствие активной деятельной позиции в образе матери и какой бы то ни было оригинальности этого образа у Несбит. Эту идею об обезличенности викторианского образа материнства подтверждает В. Слоткин: «В то время как эти образы наделяли женщину определенным видом абстрактной власти или значения во вселенском масштабе, они отказывали ей в разумности и индивидуальности» [Slatkin 1980: 13].

Как правило, с матерью не связана повествовательная событийность и сюжетное действие романов, более того, разные обстоятельства вынуждают мать оставлять детей на неопределенные сроки. Поэтому уместнее будет сказать, что в приключенческих романах Несбит персонаж матери большую часть времени красноречиво отсутствует. Подобный сюжетобразующий элемент, по-видимому, обусловлен жанровой формой.

«Еще в фольклоре, например, в сказках отлучка родителя – популярная завязка сказки, часто – сказки с молодым героем или героем-ребенком» [Бячкова 2015: 24].

Серия детских романов Несбит, посвященных детям Бастеблям («Искатели сокровищ», «Новые искатели сокровищ»), начинается со следующего замечания: «Мама наша умерла, я больше ничего о ней говорить не буду, но если вы думаете, что это значит, что я не помню ее, то вы ничего не смыслите в людях» [Несбит 2015: 3]. Таким образом находит свое применение популярный сюжетный ход, который, как правило, знаменует собой «границу» [Бячкова 2015] детства. Лишившись опеки, ребенок вынужден примерять на себя новые роли внутри своей семьи: советчика, добытчика, защитника. Подобное происходит с детьми во всех приключенческих романах Несбит: юные герои учатся выстраивать отношения с новыми людьми, претерпевают внутреннюю трансформацию и выходят за рамки привычных гендерных и социальных ролей.

Заметим, что воспоминания писательницы, оставленные в форме биографических рассказов, указывают на факт частой разлуки с матерью. Сара Несбит после смерти мужа была вынуждена постоянно менять место жительства в поисках лучших условий для своей семьи, а также для поддержания слабого здоровья старшей дочери Марии, страдающей от

туберкулеза. Постоянным желанием воссоединения с матерью окрашены биографические очерки Несбит «Мои школьные дни», издаваемые с 1896 по 1897 год в журнале «The Girl's Own paper». Воспоминания писательницы косвенно указывают на «вакуум, возникший после смерти отца и последовавшей за этим неспособности матери удовлетворить эмоциональные нужды младших детей, которых она отправляла в школы-пансионы» [Кноерфлмачер 1987: 303]. Любопытен и комментарий по поводу похода в музей Бордо, где Несбит испытала одно из самых сильных потрясений в жизни – ужас от вида мумий. Желание Дейзи (домашнее имя Эдит Несбит) посетить музей было среди прочего вызвано интересом к слову мумия: «Для меня слово “мумия” звучало как имя друга» [Кноерфлмачер 1987: 305]. В контексте требования материнской любви прочитывается сходство слова «мама» и «мумия» (в англ. языке слова омонимы). При этом Джулия Бриггс [Briggs 1987], составитель наиболее полной биографии Э. Несбит, отмечает попытку писательницы найти кого-то, кто мог быть стать своего рода суррогатом материнской заботы. Среди тех, кто замещает мать в ее отсутствие, упоминаются мадам Лурдес, которая берет девочку в свою семью для обучения французскому, и даже официант, принесший ужин и согласившийся остаться в номере с Дейзи до прихода матери.

В художественном пространстве романа «Пятеро детей и Оно» (*Five children and it*, 1902) [Nesbit 2008^a] подобную функцию суррогата родителей исполняет магическое существо Саммиад (Psammead). В имени песчаного эльфа можно увидеть сочетание слов «мама» (mummy) и «папа» (dad). Существо не любит когда его беспокоят, выражает постоянное раздражение в связи с хлопотами, которые доставляют ему дети, читает им нотации, но, тем не менее, исполняет все их желания. Заметим, что одним из желаний детей является просьба, чтобы все метаморфозы, устроенные песчаным эльфом, оставались незаметными для взрослых. Но, учитывая постоянное отсутствие матери, данную просьбу несложно исполнить.

В приключенческом романе «Дети железной дороги» происходит похожая ситуация замещения родительских функций. Когда трое детей и их мать после ареста отца вынуждены переехать в деревню поблизости от железной дороги, женщина старается заработать на жизнь писательством. Хотя физически мать присутствует в жизни детей, новое занятие отнимает большую часть ее времени, она «запиралась у себя наверху и писала, писала, писала...» [Nesbit 2017: 23]. Подобное стремление к уединенному творчеству роднит данный образ с образом «новой женщины», а также «изображает издержки процесса социализации женщины, неизбежные в новой социальной структуре» [Фирстова 2012:

110]. «Литература о новой женщине»² актуализировала вопрос о праве на профессиональную самореализацию женщины даже в ущерб семейным отношениям. При этом формирование нового литературного канона ассоциируется с воплощением «в нем устойчивого эмблематического образа «своей комнаты» [Бережная 2020: 6]. Выбор, который мать детей-протагонистов делает в пользу писательской работы в свое спальне вынуждает их искать опеку и заботу у людей, причастных к железной дороге. Они обращаются за помощью к Старому Джентльмену, заводят дружбу с работниками станции и жителями деревни.

Эдит Несбит, откликнувшись на популярный образ «новой женщины», примеряла не только внешнюю атрибутику «женщины нового типа» (курение, короткая стрижка, пренебрежение к предрассудкам), но также во многом разделяла идеалы, отвечающие движению по поиску новой гендерной идентичности. Как автор переходного периода она переосмыслила фундаментальные категории женского опыта в своем творчестве. Для Несбит характерно прочтение концепта материнства вне рамок родственных связей, как лишенную условностей всеобщую любовь к детям.

Примечательно, что автор детского романа «Пятеро детей и оно» поместила в качестве эпиграфа стихотворение «Ягненок» («My Lamb»), посвященное Джону Бланту. Заметим, что Джон был рожден подругой Несбит по имени Элис Хоутсен от мужа самой Эдит Несбит. Писательница усыновила и воспитывала мальчика, что созвучно этическим принципам «новой женщины», «основанным на личном выборе и свободе от установленных правовых императивов и биологических связей» [Heilmann 2000: 147]. Материнская любовь, окрашенная ощущением личного выбора, обретает истинное значение и подчеркивает свободу женщины от нормативных общественных практик. Заметим, что викторианская гендерная идеология строилась на представлении материнства в качестве социальной категории, определяющей положение женщины в обществе и семье, а также влияющей на отсутствие у женщины пространственной автономии. Как отмечает Э. Хейльманн: «Викторианское общество не только ожидало от женщины исполнения ее материнских обязанностей, но и превращало материнство в форму социального контроля» [Heilmann 2000: 144]. Более того, исследователь описывает несколько типов стратегий раскрытия материнской темы в «литературе о новой женщине»: героини играют установленные роли матери и жены в соответствии с брачно-семейной идеологией, но в финале протестуют против концепции традиционного предназначения женщины; героини отвергают материнство и стремятся к обретению независимости; героини провозглашают новые взгляды на материнство, свободные от

моральных нормативов. Предположим, что для Несбит альтернативные образы материнства представляли особую ценность в связи с провозглашением внутренней свободы, созвучной с образом «новой женщины». Неудивительно, что в романе «Пятеро детей и оно» тема материнской любви к неродному ребенку раскрывается благодаря образу цыганки Амелии в главе «Самый желанный». Амелия существует вне традиционных представлений о биологической детерминированности и социальных нормах, она испытывает к Ягнечку истинную любовь, которая не исчезает, даже когда чары, делающие ребенка желанным для всех, рассеиваются.

Мотив материнской любви, не зависящей от кровных уз, находит дальнейшее развитие в третьей книге трилогии, в «Истории с амулетом» («The Story of the Amulet», 1906). Круглая сирота Имоджен встречается детям на улице, а ученый Джимми произносит желание, которое Саммиад вынужден исполнить: «Я хотел бы найти дом, где хотели бы иметь такую дочку» [Nesbit 1906]. Герои волшебным образом переносятся в древнюю Британию, где видят печальную женщину, потерявшую собственную дочь и полюбившую Имоджен всем сердцем. Именно свобода выбора расширяет тему материнства и разрушает викторианский культ домашнего очага, поскольку в обоих случаях женщины существуют вне брачно-семейных отношений. Как отмечает М. Ю. Фирстова: «Традиционно материнство в английской женской литературе XIX в. предстает как закономерное продолжение, атрибут замужества, но не выходит на первый план при изображении желаний и поведенческих императивов героинь» [Фирстова 2013: 16]. Можно предположить, что, отводя главную роль материнским чувствам, Несбит меняет расстановку акцентов в вопросе женской самореализации и пересматривает иерархию викторианских ценностей.

Также в русле представлений о «новой женщине», но в оптимистических тонах концепт матери представлен в сказках Несбит. В них видна установка писательницы на социально-политическую позицию «новой женщины». В сказке «Фортунатас Рекс и Ко» («Fortunatus Rex and Co», 1901) королева-мать не опускает руки и не позволяет себе пасть духом после исчезновения дочери, напротив, она деятельна и просит короля найти себе занятие вместо того, чтобы предаваться унынию. В отношении же другого образа матери, представленного в сказке «Принцесса и ежик» («The princess and the hedge-pig», 1912) [Nesbit 1924], можно отметить нестандартный тип поведения героини-королевы. Именно ей приходит в голову идея разослать приглашения на крестины новорожденной дочери в виде счетов от булочника, чтобы избежать появления злых фей на празднике. Более того, она детально продумывает

хитроумный план: «В приглашениях мы лишь напишем: “Одна буханка, три шиллинга. С оплатой просьба не задерживать”. Это будет означать, что приглашена 1 персона на 3 часа дня. А на оборотной стороне напишем, куда и зачем, невидимыми чернилами. То есть, лимонным соком» [Nesbit 1924: 98]. После свержения королевской четы с престола она не впадает в уныние, а учится быть распорядительной хозяйкой на вечерних курсах домашнего хозяйства в Королевском институте. Подобное инвертирование традиционного образа королевы не только выполняет как развлекательно-юмористическую функцию, но и становится социально-политическим призывом к активному участию женщин в экономической жизни.

Многообразие воплощений образа матери в литературе, несомненно, можно объяснить его насыщенностью культурологическими, мифологическими, психологическими и религиозными смыслами. При этом в приключенческих романах и сказках Эдит Несбит представлен целый ряд стратегий в изображении образа матери. В приключенческих романах он, как правило, лишен индивидуальности. Более того, писательница стремится «устранить» данный персонаж из захватывающих событий повествования. Часто отсутствующая мать – значимый «минус-прием», что, с одной стороны, позволяет детям выходить за границы установленных норм и правил, с другой, – указывает на болезненный личный опыт самой Несбит.

Несмотря на то, что в некоторых случаях материнский образ, созданный Несбит, соответствует гендерным стереотипам викторианского общества и вписан в концепцию истинной женственности, можно найти красноречивые доказательства того, что Несбит стремилась переработать сказочную традицию в построении персонажно-образной системы. Она уходит от привычных пассивных характеристик королевы в пользу активной, деятельной женщины, что соответствует образу «новой женщины».

Более того, «новая женщина» пересматривает категории свободы женского выбора, что находит свое отражение в теме любви к усыновленному ребенку. Поскольку героини «литературы о новой женщине» пытались выйти за пределы установленных гендерных норм и опротестовать значение репродуктивной функции как основного предназначения женщины, можно предположить, что материнская любовь обретает значение, когда является свободным выбором женщины, а не детерминированной функцией в контексте викторианского культа домашнего очага. Истинная материнская любовь не определяется кровным родством и не вписывает женщину в систему брачно-семейных отношений.

Примечания

¹ *Здесь и далее – перевод мой.* – Крюкова В. Г.

² Термин предложен Т. А. Метловой в статье «Гендерная и брачно-семейная проблематика в британской литературе о новой женщине рубежа XIX- XX вв.». *Философия и культура*, № 2. – 2014.

Список литературы

Бережная М. С. Образ «своей комнаты» в современном женском рассказе (на материале англоязычной малой прозы середины XX – начала XXI века) [Текст]: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.01.03. Москва, 2020. 23 с.

Бячкова В. А. «Граница детства» в викторианском романе // *Мировая литература в контексте культуры*. 2015. №4 (10). С. 22–32.

Кончакова С.В. «Лики ангелов»: изображение женских характеров в позднем творчестве Ч. Диккенса // *Вестник тамбовского университета*. 2011. № 1(93). С. 32–42.

Крупенина М. И. Амбивалентность образа инфантильной женщины как общепринятой формы женственности в ментальности викторианской эпохи // *Вестник московского государственного лингвистического факультета. Гуманитарные науки*. 2016. № 2 (741). С. 210–221.

Несбит Э. Дети железной дороги. ЭНАС-КНИГА, 2010. 216 с.

Несбит Э. Искатели сокровищ. ЭНАС-КНИГА, 2015. 208 с.

Метлова Т. А. Гендерная и брачно-семейная проблематика в британской литературе о новой женщине рубежа XIX- XX вв. // *Философия и культура*. 2014. № 2. С. 204–216.

Фирстова М. Ю. Женская судьба в проблемно-тематической целостности романа Э. К. Гаскелл «Мэри Бартон» // *Вестник пермского университета. Российская и зарубежная филология*. 2012. № 1 (17). С. 107–115.

Фирстова М. Ю. Материнство в проблемно-тематической целостности романа Э. Гаскелл «Крэнфорд» // *Мировая литература в контексте культуры*. 2013 № 2 (8). С. 13–18.

Binder С.М. (2014). *From Innocence to Experience. (Re-)Constructions of Childhood in Victorian Women`s Autobiography*. Wissenschaftlicher Verlag Trier // *Anglia*/ 2014/ 134 (3). P. 552–556.

Briggs, J. (1987). *A Woman of Passion: The Life of E. Nesbit*. New York: New Amsterdam Books, 1987. 510 p.

Heilmann A. New Woman Fiction: Women Writing First-Wave Feminism 2000th. London: Palgrave Macmillan, 2000. 239 p.

Knoepfmacher U. C. Of Babylands and Babylons: E. Nesbit and the Reclamation of the Fairy Tale // *Tulsa Studies in Women's Literature*. 1987. Vol. 6. No. 2. P. 299–325.

Nesbit E. Five children and It. L.: Puffin Books; Reprint edition, 2008^a. 272 p.

Nesbit E. Nine Unlikely Tales. L.: Ernest Benn limited, 1901. 100 p.

Nesbit E. The Magic World. L.: Macmillan and Co., 1924. 170 p.

Nesbit E. The Phoenix and the Carpet (1904). The Project Gutenberg. 2008^b. URL: <https://www.gutenberg.org/files/836/836-h/836-h.htm>(last accessed: 01.12.22)

Nesbit E. The Story of the Amulet [Electronic resource]. The Project Gutenberg. URL: <https://www.gutenberg.org/files/837/837-h/837-h.htm>(last accessed: 12.12.22)

Nesbit E. The Railway Children (With All Original Illustrations). L.: Bookwire, 2017. 225 p.

Slatkin W. Maternity and Sexuality in the 1890s // Woman's Art Journal. 1980. Vol. 1. No. 1. P. 13–19.

THE MEANING OF THE MATERNAL FIGURE IN THE CHILDREN'S LITERATURE BY EDITH NESBIT

Vera G. Kriukova

PhD student, Department of Russian and Foreign literature

Southern Federal University

344006, Russia, Rostov-on Don, Bolshaya Sadovaya st., 105/42

vekriukova@sfnu.ru

ORCID: <https://orcid.org/0009-0002-6918-0241>

Submitted 20.11.2023

The article discusses the way the maternal figure is portrayed by Edith Nesbit, one of the most celebrated children's author. Throughout much Victorian literature, motherhood was exemplified as a center of morality and virtue. At the same time Nesbit was content with trying on the image of «the new woman». As a result, the representation of mothers in her books is quite ambiguous; they incorporate both the features of angelic femininity and of a new feminist ideal with regenerative power. As E. Nesbit's relationship with her mother was complex, she subconsciously looked for mother substitute and expressed it in a metaphorical way in her children's literature.

Key words: the maternal figure, Nesbit, substitute, «the new woman», «the angel in the house».

Пробьба ссылаться на эту статью в русскоязычных источниках следующим образом:

Крюкова В.Г. Образ матери в творчестве Эдит Несбит // Мировая литература в контексте культуры. 2023. № 17 (23). С. 24–32. doi 10.17072/2304-909X-2023-17-24-32

Please cite this article in English as:

Kriukova V. G. Obraz materi v tvorchestve Edit Nesbit [The Meaning of the Maternal Image in the Children's Literature by Edith Nesbit]. *Mirovaya literatura v kontekste kultury* [World Literature in the Context of Culture]. 2023, issue 17 (23), pp. 24–32. doi 10.17072/2304-909X-2023-17-24-32